

АНГЛИЙСКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ В ПЕРИОД ПРЕДВОЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА (МАРТ — АВГУСТ 1939)

Со второй половины 1970-х гг. в английской буржуазной историографии политики Англии на Балканах кануна второй мировой войны наметился быстрый сдвиг в сторону преобладания крайне консервативных концепций так называемой ревизионистской школы. Общим для историков этой школы 70-х — первой половины 80-х гг. (С. Ньюмен [1], Д. Дилкс [2], А. Адамтуэйт [3], Б. Джелавич [4], Р. Блейк [5] и др.) является антимарксистская и антилиберальная заостренность, стремление полностью оправдать английскую политику умиротворения на Балканах, объясняя ее не политическими факторами, а экономической, военной и политической слабостью британских позиций в Юго-Восточной Европе. Такой же подход к британской политике на Балканах накануне второй мировой войны прослеживается в работах большинства американских историков начала 80-х гг. (Г. Вейнберг [6], А. Запантис [7], М. Хитченс [8] и др.). Вопреки попыткам буржуазных историков реабилитировать мюнхенский курс правительства Чемберлена на Балканах историки-марксисты выявили антисоветский, империалистический характер балканской политики Лондона в предвоенный период. Среди работ историков европейских социалистических стран следует выделить исследования Л. Живковой, И. Димитрова, Д. Сиркова, Ж. Аврамовского и др. Большой вклад в исследование сущности английской предвоенной политики на Балканах внесли советские историки В. Г. Трухановский, В. Я. Сиполс, В. К. Волков, А. А. Шевяков, А. Ф. Миллер, свердловская группа историков-балканистов во главе с И. Н. Чемпаловым. Однако в большинстве работ советских исследователей недостаточно использованы английские архивные документы и основная масса опубликованных французских дипломатических документов. Совершенно не освещена советскими историками специфика англо-французских отношений на Балканах в период предвоенного политического кризиса; в большинстве работ историков социалистических стран далеко не в полной мере вскрыты причины предоставления английских гарантий странам Восточной и Юго-Восточной Европы; слабо освещены действия Лондона, имевшие целью отвлечь внимание Балканских стран от конструктивной, миролюбивой политики Советского Союза.

В данной статье делается попытка частично устранить эти пробелы в марксистской историографии английской политики на Балканах в период предвоенного политического кризиса. Основная задача статьи — попытаться на примере Балканского региона показать сущность английской политики умиротворе-

ния как способа разрешения межимпериалистических противоречий.

Проводя на Балканах политику умиротворения фашистских агрессоров, правительство Чемберлена стремилось главным образом разрешить межблоковые империалистические противоречия за счет интересов Советского Союза и Балканских стран, оградить имперские позиции Британии, а в конечном итоге — сохранить баланс мировых сил в пользу английского империализма. В ходе реализации империалистической, антисоветской политики умиротворения Лондон не просто стремился сдать Балканские государства Германии с целью направить фашистскую агрессию на СССР, но, по возможности, и максимально сохранить свои позиции в Юго-Восточной Европе, надежно прикрыть имперские владения и коммуникации Британии в Восточном Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке.

15 марта 1939 г. германские войска оккупировали Чехию. Оккупация чешских областей германскими войсками полностью укладывалась в мюнхенскую схему английских умиротворителей. Как видно из хода заседания британского правительства утром 15 марта, а также из выступления Чемберлена с речью в парламенте днем того же дня, Лондон решил неукоснительно продолжать прежний курс на умиротворение фашистских агрессоров [9; 10].

В то же время правительство Чемберлена было явно обеспокоено непредсказуемостью действий Германии. Секретарь имперского комитета консервативной партии де Курси писал, что в те дни в Лондоне не сомневались, что Берлин готовится к новым агрессивным акциям, но не было уверенности, куда они будут направлены; серьезные опасения вызывала нацистская пропаганда в отношении Балкан, Ближнего Востока, Индии... [11]. Вместе с тем в Лондоне не исключали возможности продвижения германской агрессии через Балканы в сторону СССР. В этот момент, когда Лондон напряженно выжидал дальнейшего развития событий, возникло так называемое «дело с германским ультиматумом Румынии». Бухарест, испытывая на себе давление со стороны Германии, попытался заручиться фактической поддержкой со стороны Англии и Франции. Одновременно, в целях дополнительного воздействия на Лондон, румынская дипломатия эффективно воспользовалась и «советской картой»¹. «Германский ультиматум», а также ряд других сообщений о готовности Германии осуществить удар по Румынии, серьезно встревожили Лондон. Как видно из хода заседания подкомитета стратегического планирования, которое было срочно созвано утром 17 марта, английское руководство чрезвычайно опасалось, что после захвата Румынии Германия может

¹ Подробнее о «германском ультиматуме» см.: [12. С. 87—90, 92; 13].

двинуться не на СССР, а в сторону Ближнего и Среднего Востока [14. Р. 119]. Не исключалась возможность и совместных германо-итальянских действий [15. Р. 162].

В сложившихся условиях правительство Чемберлена решило предостеречь Германию и Италию от возможного продвижения через Балканы в сторону Ближнего и Среднего Востока. Вечером 17 марта в своей бирмингемской речи премьер-министр Чемберлен обвинил Гитлера в нарушении мюнхенских соглашений. Отметив, что Великобритания не может оставаться в стороне от того, что происходит в Юго-Восточной Европе, Чемберлен предупредил страны оси о готовности английского правительства установить контакты с Францией и другими странами. На следующий день во время заседания кабинета премьер-министр Чемберлен заявил о невозможности продолжать переговоры с Гитлером на старой основе. Именно это, по словам Чемберлена, заставило его произнести речь в Бирмингеме. Но это не означает, заметил премьер-министр далее, что переговоры невозможны [16. Р. 188; 1. Р. 108]. Лондон стремился овладеть инициативой в переговорах с Германией. Германский посол в Лондоне Г. Дирксен наиболее точно определил истинный смысл английской деятельности вокруг «ультиматума»: Чемберлен по-прежнему добивается мирного соглашения с Германией, но средства для достижения этого изменились — метод дружественных переговоров стал невозможен, поэтому Чемберлен решил занять по отношению к Германии более твердую позицию и с этой целью установил контакты с Францией, США, СССР и Балканскими странами [17. № 35. Р. 39]. Именно по причине стремления Лондона к соглашению с Германией советские предложения от 18 марта о созыве совещания представителей Англии, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР [См.: 18. № 162. С. 246; № 163. С. 247] были отвергнуты правительством Чемберлена. Умиротворенческая позиция Лондона фактически создала благоприятные условия для подписания 23 марта кабального германо-румынского экономического соглашения [19. С. 7—18]. Данное соглашение, как с беспокойством подчеркивалось в ноте Дирекции коммерческих отношений Франции от 24 марта, обеспечивало Германии большие преимущества в румынской экономике [20. № 151. Р. 208]. Однако даже и в этой ситуации английское правительство продолжало выжидать дальнейшего развития событий. Предложенные Францией совместные меры по увеличению импорта румынской нефти в западные страны [См.: 20. № 177. Р. 243—244] не были приняты Лондоном. Парижу пришлось действовать в одиночку [21. Р. 155].

Вместо конкретных шагов по оказанию помощи Румынии английское правительство решило только обезопасить себя от возможного германского продвижения через Румынию к Восточному Средиземноморью и Ближнему Востоку. В этих целях

было решено оживить сотрудничество Англии и Румынии с Польшей. Одновременно было предложено оставить вне поля зрения СССР, объяснив это тем, что возражения исходят из Бухареста и Варшавы [См.: 22. 27/624. Р. 201—203]. 25 марта английское руководство приняло решение пойти навстречу требованиям Польши и Румынии об оказании этим странам поддержки в случае германской агрессии. Но предоставление такой помощи было обусловлено обязательством использовать польско-румынский союз 1921 г. против Германии и ее потенциальных союзников, если те двинутся через Балканы в зону англо-французских интересов [См.: 1. Р. 146—148; 23]. 31 марта английское правительство предоставило гарантии Польше. Немаловажное воздействие на решение о гарантиях оказало французское давление, рост колебаний в Балканских странах перед лицом германского натиска на Балканы, бездействие западных держав, а также угроза возможного сближения Бухареста и Варшавы с Советским Союзом [См.: 1. Р. 177—178; 24; 12. С. 95—96]. Основная цель этих гарантий заключалась в том, чтобы, одновременно изолировав СССР, заручиться поддержкой Варшавы в случае германского продвижения через Румынию в направлении Ближнего Востока и Средиземного моря.

С начала апреля, когда стали поступать сообщения об итальянских приготовлениях к захвату Албании, а в Инсбруке начались германо-итальянские переговоры начальников штабов вооруженных сил, вопрос о польско-румынском союзе приобрел особо важное значение. Однако в ходе англо-польских переговоров 4 апреля в Лондоне выяснилось, что польское правительство отказывается распространить действие этого союза на случай, если Германия, одна или совместно с Венгрией, предпримет наступление на юго-восток [25].

После итальянского захвата Албании 7 апреля ситуация для Англии в Юго-Восточной Европе еще более ухудшилась. Английское руководство стало интенсивно обсуждать возможность привлечения Турции к обороне Румынии и Греции, а также возможность создания Балканского блока, который включал бы все Балканские страны и формально являлся нейтральным [См.: 22. 27/625. Р. 239, 250, 267, 270, 272]. Однако неопределенность позиции Турции, а также давление на Лондон со стороны Франции, стремившейся сохранить остатки своих позиций на Балканах [См.: 20. № 369. Р. 594—595; 26. 434/6. № 135. Р. 159—160; 27], заставили правительство Чемберлена уже 13 апреля объявить о гарантиях Греции и Румынии.

14 апреля Англия обратилась к Советскому Союзу с предложением присоединиться к англо-французским гарантиям Польше и Румынии. Близкое по содержанию предложение было сделано Советскому Союзу в тот же день министром иностранных дел Франции Ж. Боннэ. Советский полпред в Париже Я. З. Суриц в связи с этим заметил: «Сам Боннэ несомненно

сознает, что его сегодняшнее «предложение» не серьезно, совершенно односторонне... и что нет шансов, чтобы мы его приняли» [18. № 232. С. 332]. Вопреки расчетам Лондона и Парижа Советское правительство пошло на переговоры с западными державами в отношении гарантий Польше и Румынии, но включило этот вопрос в развернутую программу по созданию системы коллективного отпора агрессии. 17 апреля Советским Союзом было предложено Англии и Франции заключить пакты о взаимопомощи и военную конвенцию, а также предоставить действенные гарантии всем малым странам, расположенным между Балтийским и Черным морем. Англия должна была разъяснить, что британская гарантия Польше «имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии». Польско-румынский антисоветский договор должен был быть отменен или объявлен «действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии». В отношении Турции было предложено Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи [18. № 239. С. 336—337]. Принятие западными державами советских предложений от 17 апреля могло, в отличие от британских гарантий малым странам, создать надежную систему коллективной безопасности в Европе в целом и на Балканах в частности.

Лондон, рассчитывая на антисоветское соглашение с Берлином, не принял предложений Советского правительства по созданию действенного механизма отпора агрессии с участием СССР. Особенно Лондон не устраивали советские предложения в отношении Турции. Дело в том, что с 11 апреля в связи с отказом Польши прийти на помощь Румынии английские руководители стали интенсивно обсуждать вопрос о возможности привлечения Турции к обороне Румынии в случае германского продвижения на юго-восток. В этот день комитет внешней политики кабинета рекомендовал Форин-Оффису выяснить возможность предоставления турецких гарантий Греции и Румынии [22. 27/625. Р. 270, 272]. Английское руководство считало, что Турция должна быть заинтересована в совместном с Англией и Францией предоставлении гарантий как Греции (в качестве агрессора здесь подразумевалась Италия), так и Румынии (вероятным противником здесь выступала Германия). По сути дела, английские комбинации с Турцией ставили целью прикрыть имперские позиции Британии и заставить германскую агрессию двигаться в строго восточном направлении. Любое совместное соглашение Советского Союза, Турции и западных держав становилось в этом случае более чем нежелательным.

19 апреля комитет внешней политики британского кабинета, подчеркнув необходимость активизации переговоров о взаимопомощи с Турцией, одновременно констатировал, что принятие советских предложений «вызвало бы подозрения среди наших друзей и усилило бы враждебность наших врагов». Парламент-

ский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер заявил, что не надо спешить с ответом на советские предложения — нужно подождать выступления Гитлера 28 апреля в рейхстаге. Было решено воздержаться от ответа на предложения Советского Союза, а также принять меры к тому, чтобы Париж не предпринял шагов к сепаратной акции в этом отношении [22. 27/625. Р. 281—282, 290—299, 301, 303]. На том же заседании был обсужден вопрос о позиции Болгарии. Лондон предполагал рассмотреть возможность создания общебалканского блока, который формально являлся бы нейтральным. На случай неприятия державами-агрессорами и Болгарией идеи «нейтрального» блока на заседании комитета внешней политики 19 апреля была обсуждена возможность оккупации Болгарии силами стран — участниц Балканской Антанты.

24—25 апреля в Лондоне состоялись англо-румынские переговоры. Обе стороны отметили важность позиции Турции как для Великобритании, так и для Румынии. Одновременно с этим министр иностранных дел Румынии Г. Гафенку в ходе переговоров убедился, что «английское правительство не желает устанавливать тесных отношений с Советами» [18. № 272. С. 371].

В отличие от Лондона позиция французского правительства в отношении советских предложений от 17 апреля была более благоприятной. Французский проект тройственного англо-франко-советского соглашения, предложенный 25 апреля, основывался на взаимности, хотя и ограниченной. В беседе с Гафенку, которая состоялась в конце апреля в Париже, министр иностранных дел Франции Боннэ отметил, что «соглашение с СССР явилось бы единственным барьером, который смог бы преградить дорогу войне. Если бы этот барьер был воздвигнут, румынские и польские оговорки (в отношении СССР.— В. З.) исчезли бы автоматически» [28]. Английское правительство не устраивала позиция Парижа в отношении советских предложений. 25 апреля на заседании комитета внешней политики премьер-министр Чемберлен выразил недовольство ответом французского правительства на советские предложения от 17 апреля. Было решено оказать в этом вопросе давление на Францию [22. 27/625. Р. 314—316, 321].

Английское руководство было обеспокоено и позицией Турции, которая не спешила давать окончательный ответ на британские предложения о заключении пакта о взаимопомощи. Более того, 25 апреля в беседе с британским послом в Анкаре Х. Нэтчбулл-Хьюджессеном министр иностранных дел Ш. Сараджоглу заявил, что необходимо параллельно с англо-турецким соглашением подписать и советско-турецкое. По словам Сараджоглу, в ожидании результатов англо-советских переговоров Турции и Советскому Союзу необходимо обсудить вопросы, затрагивающие их взаимные интересы [29. Vol. 5. № 287. Р. 336; 26. 424/283. № 39. Р. 29—30].

Со своей стороны Советский Союз считал, что самым эффективным средством к предотвращению агрессии было бы в тех условиях заключение военного союза между СССР, Англией и Францией, к которому могли бы присоединиться все страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Но одновременно с этим, в плане реализации предложений от 17 апреля, Советское правительство попыталось установить также прямые контакты с Польшей и Балканскими странами. С этой целью в конце апреля в Анкару выехал заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин. По дороге в Анкару Потемкин сделал остановку в Бухаресте, а затем в Софии, где был принят премьер-министром Болгарии Г. Кыосеивановым. 28 апреля советский представитель прибыл в Анкару, где на следующий день встретился с министром иностранных дел Турции Сараджоглу. Сараджоглу кратко информировал советскую сторону о ходе англо-франко-турецких переговоров. Потемкин сразу обратил внимание на двойственную позицию Турции в отношении СССР. «В сообщениях Сараджоглу имеются некоторые неясности. Возможно, он кое-что недоговаривает и даже намеренно путает...» — отметил заместитель наркоминдела в телеграмме в Москву [18. № 264. С. 361]. Действительно, активизация контактов Турции с Советским Союзом явилась со стороны Турции в значительной степени элементом давления западных держав и их союзников на позицию Германии и Италии. Одновременно с советско-турецкими переговорами руководители Турции вели переговоры с Берлином через германского посла Ф. Папена, который прибыл в Анкару 27 апреля, спеша опередить Потемкина. Германии был предложен компромисс: «нейтрализация» Балкан либо переход Турции, а возможно и всех стран Балканской Антанты, на сторону англо-французского блока с одновременным присоединением Советского Союза к «фронту мира».

На обратном пути из Турции 7 мая Потемкин встретился в Софии с царем Борисом и премьер-министром Кыосеивановым, а на следующий день в Бухаресте с румынским министром иностранных дел Гафенку. 10 мая в Варшаве состоялась встреча Потемкина с польским министром иностранных дел Ю. Беком. Переговоры советского представителя в Анкаре, Бухаресте, Софии и Варшаве показали, что позиция Турции и Балканских стран в отношении сотрудничества с Советским Союзом была не резко негативной, а скорее выжидательной. Все зависело от реакции английского правительства на действия советской дипломатии. Эта реакция не замедлила проявиться. 29 апреля Галифакс предложил Нэтчбулл-Хьюджессену передать в конфиденциальной беседе Сараджоглу, что англо-франко-советские переговоры вряд ли закончатся успешно. Турецкое правительство, по словам Галифакса, должно это иметь в виду, садясь за стол переговоров с Советским правительством [29. Vol. 5. № 391. P. 444—445; № 394. P. 447].

В начале мая Германия и Италия усилили давление на Балканские страны. Причем прямое давление сочеталось с обещаниями экономической и военной поддержки. Гибкая политика стран фашистской оси заставила английское правительство еще более ускорить ход англо-турецких переговоров. Одновременно с этим Лондон постарался заставить Турцию полностью отказаться от какого-либо возможного соглашения с Советским Союзом [См.: 29. Vol. 5. № 391. Р. 444—445; № 394. Р. 447]. 8 мая английское правительство официально уведомило СССР о том, что оно отвергает советские предложения от 17 апреля [18. № 279. С. 382—383]. 9 мая турецкое правительство было вынуждено согласиться на британский проект англо-турецкой декларации о взаимопомощи, который включал § 6 о Балканах [29. Vol. 5. № 423. Р. 473]. На следующий день Нэтчбулл-Хьюджесен в телеграмме Галифаксу отметил, что Сараджоглу принял во внимание заявление Галифакса по поводу перспектив англо-советских переговоров [29. Vol. 5. № 456. Р. 500]. Таким образом, пытаясь сохранить за собой важнейшие позиции на Балканах и оградить имперские владения, Лондон одновременно добился полного отстранения СССР от возможного участия в англо-франко-турецких переговорах.

12 мая была подписана англо-турецкая декларация о взаимопомощи. Накануне ее подписания встал вопрос о возможности заключения не двустороннего англо-турецкого, а трехстороннего англо-франко-турецкого соглашения. Материалы заседания комитета внешней политики британского кабинета 10 мая говорят о том, что английская сторона не стремилась к подписанию трехстороннего соглашения с Турцией, предпочитая двустороннюю англо-турецкую декларацию. Предложение обратиться к Турции с просьбой о заключении англо-франко-турецкой декларации было обусловлено главным образом желанием английского руководства «не раздражать» французского союзника [22. 27/625. Р. 19—22]. Как и предполагало английское правительство, добиться согласия Турции на подписание трехсторонней декларации не удалось. Основной причиной было то, что Англия, заранее рассчитывая на разновременное подписание англо-турецкой и франко-турецкой деклараций, надеялась, что во время интервала между их подписанием страны оси осознают всю бесперспективность своих агрессивных намерений в отношении имперских позиций Великобритании и пойдут на сговор с западными державами за счет Советского Союза и Балканских стран [12. С. 142].

Сразу после подписания англо-турецкой декларации эмиссар из Лондона, деятель консервативной партии Англии Г. Друммонд-Вольф начал в Берлине переговоры, стремясь достичь взаимоприемлемого соглашения с Германией [18. № 293. С. 396—398]. Вместе с тем Лондон не собирался прекращать переговоры с Советским Союзом. Как явствует из материалов

Форин-Оффиса, правительство Чемберлена опасалось, что провал англо-франко-советских переговоров мог подтолкнуть агрессора к нежелательным для западных держав действиям [См., например: 26. 800/310. Р. 61—62]. Трудно также было предугадать, какую позицию в этом случае займут страны Восточной и Юго-Восточной Европы [См., например: 26. 800/310. Р. 70].

В июне 1939 г. Лондон — формально, через Югославию, — выдвинул предложение о создании «нейтрального блока» в составе Югославии, Румынии, Венгрии, Болгарии и Турции [См.: 12. С. 149—150]. Фактически этот блок мог стать проанглийской группировкой, способной в случае необходимости выступить против государств фашистской оси, если те направят свой удар против Запада или в сторону Ближнего и Среднего Востока. Поэтому Германия не приняла английское предложение о «нейтрализации» Балкан, выдвинув свой план «нейтрального блока», который предполагал создание «малой оси» в составе Югославии, Венгрии и Болгарии. Этот блок должен был стать орудием в руках Германии на Юго-Востоке Европы [8. Р. 111—112, 125].

Таким образом, очередная попытка Лондона не допустить усиления своих империалистических соперников на Балканах под покровом формального примирения интересов стран Запада и держав оси в Юго-Восточной Европе не удалась. Это заставило английское руководство 21 июня на заседании кабинета поднять вопрос об оказании более весомой финансовой и военной помощи странам, получившим британские гарантии. Вместе с тем позиция английского правительства в отношении переговоров с Советским Союзом осталась прежней [30. Р. 4—5, 20—21].

23 июня была подписана франко-турецкая декларация о взаимопомощи, которая содержала, подобно англо-турецкой декларации, пункт о Балканах. Однако англо-турецкое и франко-турецкое соглашения еще не были окончательными договорами. Берлину и Риму вновь была предоставлена возможность договориться с западными «демократиями» в отношении Балкан на антисоветских условиях. Сразу после подписания франко-турецкой декларации Лондон и Париж поспешили сообщить странам оси, что § 6 может быть убран из окончательного текста англо-франко-турецкого соглашения [31. Т. 12. № 353. Р. 284; 17. № 561. Р. 777; и т. д.].

Подписанием англо-турецкой и франко-турецкой деклараций, которые содержали статью о Балканах, и продолжением переговоров с Советским Союзом Лондон и Париж готовили почву для нового раунда англо-германских переговоров. Этой же цели должен был служить ряд экономических и политических шагов британской дипломатии в конце июня — июле 1939 г. В частности, 12 мая было объявлено о предоставлении английского займа Румынии в размере 5,5 млн ф. ст. и Греции в размере 2 млн ф. ст. Однако, по свидетельству главного экономи-

ческого советника британского правительства Ф. Лейт-Росса, размеры займов не могли удовлетворить потребности этих стран [32]. Не была удовлетворена английской финансовой помощью и Турция [См.: 29. Vol. 6. № 320. Р. 353—355; 33]. Что касается Югославии, то Галифакс в разговоре с посланником Белграда в Лондоне И. Субботичем 3 июля вообще отказал ей в какой-либо конкретной экономической и военной поддержке [26. 434/6. № 38. Р. 55]. Югославия должна была оставаться, по замыслу английской дипломатии, полем для столкновения держав оси Берлин — Рим.

Особое внимание Лондон уделил в это время ходу военно-политических переговоров с Турцией. 17 июля к этим переговорам была подключена Франция [34], которая, в отличие от Англии, располагала большими сухопутными силами. Это должно было показать Берлину готовность Англии, Франции и Турции к действиям против агрессоров не только в районе Средиземного моря, но и на Балканах. Вместе с тем Лондон не спешил с заключением окончательного договора с Турцией, одновременно удерживая от этого своего французского союзника [См.: 35].

В середине июля в Лондоне начались англо-германские переговоры. Английская сторона предложила широкий план англо-германского сотрудничества по политическим, экономическим, колониальным вопросам; выразила готовность отказаться от гарантий, предоставленных странам Восточной и Юго-Восточной Европы. Британские руководители были согласны признать Балканы сферой особых германских интересов, если Германия со своей стороны примет во внимание английские интересы в этом регионе [См.: 17. № 716. Р. 980—983]. Германские представители не проявили большого желания вести переговоры с англичанами в отношении Балкан. Берлин чувствовал себя хозяином в Юго-Восточной Европе и предпочитал переговорам силовые методы решения спорных вопросов. В конце июля — начале августа Германия предприняла ряд энергичных мер с целью усиления своего экономического и политического влияния в Балканских странах [См.: 17. № 703. Р. 958; № 738. Р. 1017; 21. Р. 140—148].

Неопределенный исход англо-германских переговоров, усиление германского натиска на Балканы, все большая склонность самих Балканских стран к переориентации своей политики на страны фашистской оси заставили английское руководство 25 июля дать согласие на начало в Москве военных переговоров с Советским Союзом. 26 июля на заседании британского кабинета было указано на необходимость держать в тайне от советской стороны в ходе этих переговоров «конфиденциальную информацию», а сами переговоры вести медленно [30. Р. 225]. Одновременно кабинет рекомендовал как можно скорее заручиться «дружбой» Турции [30. Р. 233]. Причем английская сто-

рона стала добиваться заключения с Турцией такого договора, который носил бы не только антигерманскую и антиитальянскую, но и антисоветскую направленность. В частности, в британском проекте окончательного договора с Турцией, который был представлен на обсуждение комитету внешней политики 10 августа, предусматривалось открытие проливов для англо-французских военных судов, а статья 5 предполагала возможность совместных действий Англии, Франции и Турции против СССР [22. 27/625. Р. 313, 321].

В начале августа английское правительство заметно активизировало свою деятельность в отношении Турции, в частности со 2 по 6 августа в Стамбул нанесла визит эскадра во главе с британским адмиралом Э. Каннингхэмом [26. 424/283, № 30. Р. 33—40]. Наряду с этим Лондон дал знать в Берлин о своей готовности договориться с Германией на взаимоприемлемой основе в отношении стран Юго-Восточной Европы [См., например: 36; 17. № 533. Р. 579—582; и др.].

Тем временем в Бухаресте возникло серьезное беспокойство в связи с концентрацией германских и венгерских войск на границах с Румынией. 10 августа румынский посланник в Лондоне В. Тиля привлек к этому внимание английской стороны. В ответ Форин-Оффис выразил сомнение в возможности германского удара по Румынии. Если все-таки Румыния будет атакована, как было замечено с английской стороны, то позиция Великобритании будет зависеть от многих обстоятельств: масштабов нападения, стран, вовлеченных в войну, и т. д. [26. 434/6. № 79. Р. 160—161]. Надеясь, что германский удар будет на Восток, и одновременно укрепляя свои позиции в Турции на случай продвижения стран оси к Ближнему и Среднему Востоку, Лондон стремился оставить себе поле для маневрирования в отношении Румынии и других Балканских стран.

11 августа в Москве начались англо-франко-советские военные переговоры. В ходе этих переговоров проявилось нежелание английской стороны реально препятствовать германской агрессии. Британская дипломатия, используя идущие одновременно с переговорами в Москве англо-польские переговоры в Лондоне, а также иные дипломатические каналы, завела решение важнейшего вопроса о проходе частей Красной Армии через территорию Польши и Румынии в тупик. Причем всю ответственность за свои действия Лондон постарался возложить исключительно на Францию [Подробнее см.: 37].

Неудачный исход англо-франко-советских военных переговоров, во время которых ясно выявились цели английской дипломатии, заставил Советский Союз подписать 23 августа договор о ненападении с Германией. Заключение этого договора нанесло серьезный удар по планам английских умиротворителей договориться с Германией в отношении Балкан на антисоветской основе.

Подписав советско-германский пакт, Советский Союз предлагал западным державам продолжить переговоры. Лондон и Париж от этого отказались, но попытались в то же время использовать советские предложения западным державам и советско-турецкие контакты для нажима на фашистские державы. В действительности же правительства Англии и Франции заняли резко антисоветскую позицию. В конце августа они стали вынашивать план «удара по источникам снабжения Германии стратегическим сырьем из Балканских стран и Советского Союза». Суть этого плана состояла в том, чтобы под видом удара по источникам снабжения Германии сырьем перенести войну на территорию СССР [38].

25 августа на заседании британского комитета внешней политики Галифакс поднял вопрос о заключении пакта о взаимопомощи с Польшей. Он отметил, что ранее под агрессором подразумевалась только Германия, теперь же, после заключения германо-советского соглашения, ситуация изменилась. «Мы должны гарантировать Польшу против агрессии со стороны России», — заявил Галифакс. Это дополнение должно было распространяться и на Румынию. Галифакс отметил, что польско-румынский договор 1921 г. будет действовать только в случае нападения со стороны России [22. 27/625. Р. 337—342]. В тот же день англо-польский договор, имевший антисоветскую направленность, вступил в силу.

В целом британское правительство уже не имело намерения использовать польско-румынский договор 1921 г. и англо-польский договор о взаимопомощи против германского продвижения на Балканы, если это продвижение не будет распространено далее — к Ближнему и Среднему Востоку. Но, не желая втягивать себя в конфликт с фашистскими державами на Балканах, Лондон в то же время поспешил четко обозначить границы своих интересов в этом регионе. Они сосредоточились главным образом на Турции. К 1 сентября была достигнута договоренность с турецким правительством по поводу заключения пакта о взаимопомощи. Но она была предварительной. Как и все обязательства Великобритании перед Балканскими и Восточноевропейскими странами, соглашение Лондона с Анкарой носило временный характер. В случае заключения англо-германского соглашения вся система британских гарантий легко могла разрушиться и переключить германскую агрессию на восток.

Маневры английской дипломатии в Юго-Восточной Европе не привели к ослаблению межблоковых империалистических противоречий. 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война.

Таким образом, в ходе предвоенного политического кризиса правительству Чемберлена не удалось реализовать на Балканах основные цели своей внешней политики — сохранив британское превосходство в решении европейских и мировых проблем, на-

править фашистскую агрессию на СССР. Как результат британского курса на умиротворение фашистских агрессоров, общая тенденция развития событий к началу второй мировой войны характеризовалась дальнейшим ослаблением позиций Англии на Балканах и усилением влияния стран фашистской оси в этом регионе. В конечном итоге английская политика попустительства фашистской агрессии накануне второй мировой войны, преследовавшая цель разрешить межимпериалистические противоречия за счет СССР и Балканских стран, привела к подрыву позиций самой Великобритании на Балканах и в мире в целом. Вторая мировая война, порожденная межимпериалистическими противоречиями, оказалась неизбежной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Newman S. March 1939: the British Guarantee to Poland. Oxford, 1976.
2. Dilks D. Appeasement and "Intelligence" // Retreat from Power. L., 1981. P. 146—163; etc.
3. Adamthwaite A. The Making of the Second World War. L., 1977; etc.
4. Jelavich B. History of the Balkans. Twentieth Century. Cambridge, 1983. Vol. 2.
5. Blake R. The Decline of Power, 1915—1964. L., 1985.
6. Weinberg G. The Foreign Policy of Hitler's Germany. Chicago; London, 1980. Vol. 1.
7. Zapantis A. Greek-Soviet Relations, 1917—1939. N. Y., 1982.
8. Hitchens M. Germany, Russia and the Balkans Prelude to the Nazi-Soviet Non-aggression Pact. N. Y., 1983.
9. Европа в международных отношениях, 1917—1939 гг. М., 1979. С. 377—378.
10. Parliamentary Debates. House of Commons. Vol. 345. Cols. 435—440.
11. De Courcy K. Review of World Affairs. L., 1941. Vol. 1. P. 45—47.
12. Чепалов И. Н. Предоставление англо-французских гарантий Польше, Румынии, Греции и Турции (март — июнь 1939 г.) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1975.
13. Земцов В. Н. Английские гарантии Польше, Румынии и Греции (март — 13 апреля 1939) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1987.
14. Aster S. 1939. The Making of the Second World War. N. Y., 1973.
15. The Diaries of sir A. Cadogan, 1938—1945. L., 1971.
16. Colvin I. The Chamberlain Cabinet. L., 1971.
17. DGFP. Ser. D. Vol. 6.
18. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971.
19. Чепалов И. Н. К вопросу о германском ультиматуме и английских «гарантиях» Румынии (март — апрель 1939 г.) // Рабочее движение и международные отношения в зарубежных странах. Свердловск, 1960.
20. DDF. 1981. Ser. 2. T. 15.
21. Marguerat P. Le III-e Reich et la pétrole roumain, 1938—1940. Genève, 1977.
22. PRO. Minutes of the Foreign Policy Committee of the Cabinet.
23. The Diplomatic Diaries of O. Harvey. L., 1970. P. 268.
24. MacDonald C. The United States, Britain and Appeasement, 1936—1939. L., 1981. P. 146.
25. Gilbert M., Gott R. The Appeasers. L., 1963. P. 242—245.

26. PRO. FO.
27. Lukaszewicz J. *Diplomat in Paris*. N. Y.; L., 1970.
28. Gafencu G. *Last Days of Europe*. New Haven, 1948. P. 150.
29. DBFP. Ser. 3.
30. PRO. The Cabinet Minutes. 23/100.
31. DDI.
32. Leith-Ross F. *Money Talks*. L., 1968. P. 265.
33. *The Economist*. 1939. 5 Aug. P. 263.
34. Massigli R. *La Turquie devant la Guerre*. Mission a Ankara, 1939—1940. P., 1964. P. 226, 233.
35. Marzari F. *Western-Soviet Rivalry in Turkey, 1939* // *Middle Eastern Studies*. 1971. N 2. P. 204.
36. Документы и материалы кануна второй мировой войны. М., 1981. Т. 2. С. 164.
37. Земцов В. Н. Польский и балканский вопросы в ходе англо-германских секретных и англо-франко-советских военных переговоров, июль — август 1939 г. / Урал. гос. ун-т. Свердловск, 1985. 31 с. Деп. в ИНИОН АН СССР. 13.02.86. № 24148. С. 23—28.
38. Чемпалов И. Н. Политика великих держав на Балканах в период предвоенного политического кризиса в Европе (март — август 1939) // *Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933—1941)*. Свердловск, 1976. С. 130.

И. Н. ЧЕМПАЛОВ
Уральский университет

АНГЛИЙСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЛОКАДА ГЕРМАНИИ В ПЕРИОД «СТРАННОЙ ВОЙНЫ» (СЕНТЯБРЬ 1939 — МАЙ 1940)

Английские официальные историки утверждают, что после возникновения второй мировой войны Румыния и СССР превратились в основных поставщиков нефти в Германию [1; 2]. Вместе с тем они умалчивают о том, какую роль в снабжении Германии нефтью из Румынии, стран Среднего Востока и Западного полушария играли англо-голландские, франко-бельгийские и американские нефтяные монополии. Все же некоторые сведения об этом проникли в печать. Швейцарский историк Ф. Маржера, изучивший западногерманские, английские и французские архивные документы, установил, что с сентября 1939 по апрель 1940 г. основным поставщиком нефти в Германию являлась Румыния. СССР с сентября 1939 по январь 1940 г. почти не поставлял нефти в Германию, а с февраля по май 1940 г. поставки советской нефти в Германию были в 5 раз меньше румынских поставок. Маржера, а также английский историк М. Пиртон приводят ряд фактов, свидетельствующих о тесных связях руководителей нефтяных компаний «Ройял Датч Шелл», «Англо-Иранской нефтяной компании» с правительством Чемберлена [3; 4].

Ряд ценных сведений о соперничестве английских и американских нефтяных компаний на германском и итальянском рын-